

НЕДОШИВИНА Н. Г., ФЕХНЕР М. В.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ТИМЕРЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Материал могильников, расположенных в радиусе 10—12 км от Ярославля, является основным и исключительным по своей значимости источником, раскрывающим социальный и этнический состав обитателей Верхнего Поволжья эпохи раннего средневековья, их хозяйство и религиозные воззрения. На основании этого источника в известной мере можно судить и о времени сложения феодальных отношений на данной территории.

Наиболее хорошо сохранившимся, ярким памятником, оставленным местным населением, является курганное кладбище из 485 насыпей площадью в 4,5 га близ д. Большое Тимерево на правом берегу р. Сечки — притока Которосли. Некоторые курганы повреждены или полностью разрушены любительскими раскопками, кладоискательскими ямами и проложенным в 1940-х годах через территорию могильника скотопрогоном. Первоначально могильник занимал большую площадь и насчитывал большее число могил. По архивным данным известно, что на поле, примыкающем с юго-востока к курганному массиву, еще в начале XX в. стояли курганы [1]. Отдельные предметы погребального инвентаря из этих уничтоженных распахкой насыпей сохранились в земле и были найдены в 1973 и 1976 гг. экспедицией ЛГУ [2, с. 127—129].

Изучение Тимеревского некрополя началось с 70-х годов XIX в. Здесь производили небольшие раскопки выборочным порядком А. И. Кельсиев и И. Аспелин, члены VII Всероссийского археологического съезда в Ярославле И. А. Тихомиров, И. С. Абрамов. Более крупного масштаба археологические работы проведены Я. В. Станкевич в 1938—1939 гг., раскопавшей 26 курганов [3, с. 82—84]. В 1959—1962 гг. раскопки могильника близ Тимерева продолжены совместной экспедицией ГИМ, ИА АН СССР и Ярославского музея-заповедника, результаты которой опубликованы в 1963 г. [4]. В 1974 г. ГИМ возобновил работы в Тимереве, и в течение пяти полевых сезонов памятник был полностью исследован¹ (рис. 1). В 96 вскрытых за эти годы курганах в Тимереве обнаружены деревянные погребальные камеры, значительное число захоронений с предметами вооружения, украшениями, монетами и предметами культа. Вновь найденный материал дает возможность уточнить хронологические рамки существования некрополя и пересмотреть некоторые вопросы социально-экономической и этнической истории Ярославского Поволжья, отраженные в публикации 1963 г., что и побудило вновь обратиться к этой теме.

Нами проведен анализ погребальных обрядов и инвентаря, в основу которого положен весь найденный в данном некрополе материал, в том числе и ранее изданный, а также материал из двух захоронений, обнаруженных И. В. Дубовым.

Из сохранившихся курганов в 404 (83,5%) обнаружены остатки захоронений, 30 (6%) оказались пустыми, 45 насыпей (9,5%) были ранее раскопаны, но отчетные данные по ним не сохранились; в число последних входят и наиболее крупные курганные насыпи в центральной части кладбища. В шести курганах (1%) отсутствовали человеческие костные остатки и прослеживался лишь тонкий зольно-угольный слой, несколько обгорелых плах, обломки керамики, единичные предметы украшения и

¹ Большинство исследованных нами курганов были ранее копаны или частично разрушены.

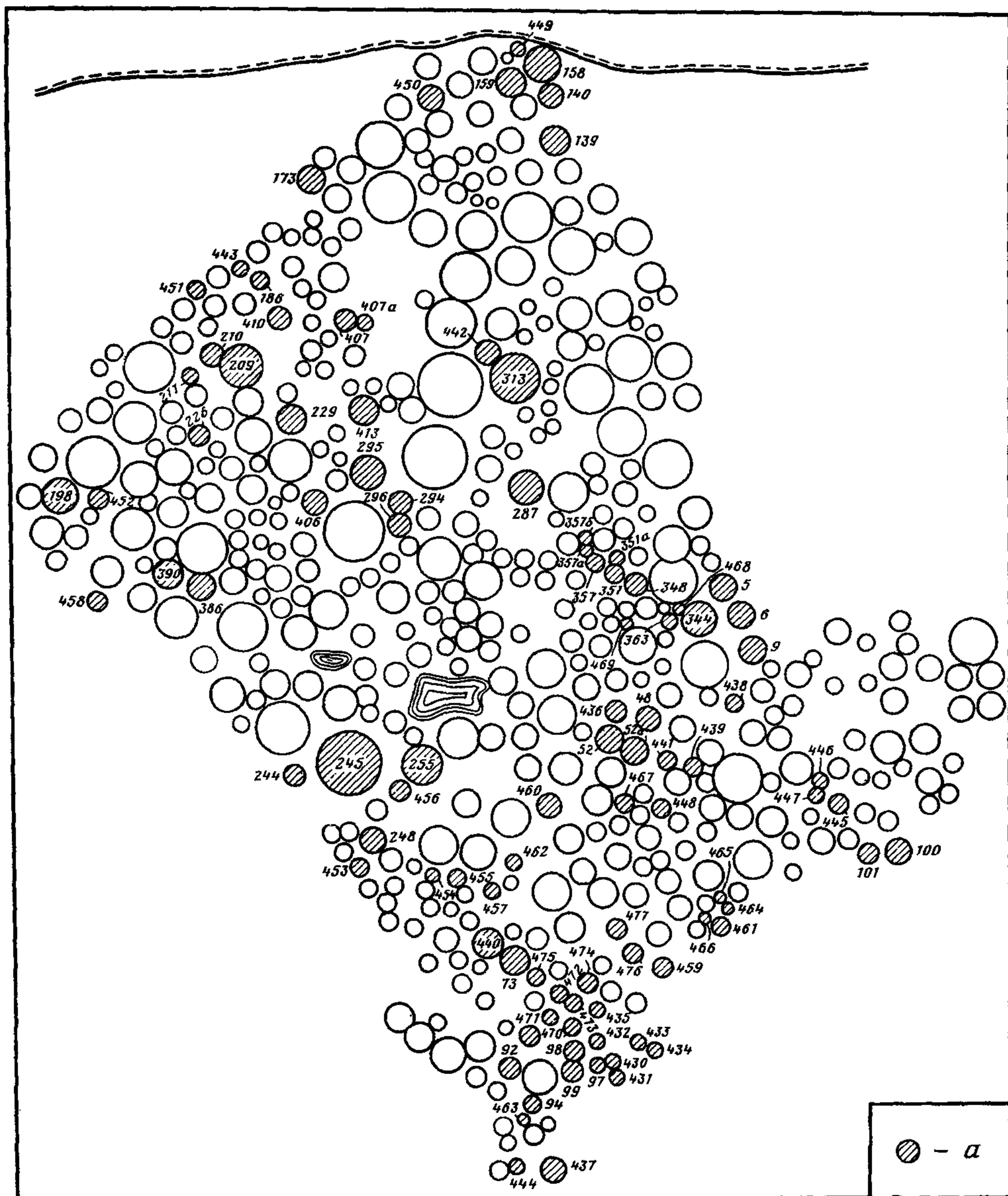

Рис. 1. Курганный могильник близ д. Большое Тимерево. *a* — курганы, раскопанные в 1974—1978 гг.

кости жертвенных животных. Такие погребальные насыпи отнесены нами к числу кенотафов (кург. 211, 320, 444, 456, 465, 469). За вычетом пустых курганов, кенотафов и курганов, обстоятельства раскопок которых неизвестны, мы располагаем материалом по 464 погребениям, которые вошли в статистическую обработку: из них 71% представляют остатки кремаций и 29% — ингумаций.

Курганы, как правило, содержали по одному захоронению, однако встречаются и 2—4 погребения под одной насыпью. В 19 курганах встречены погребения, совершенные как по обряду кремации, так и ингумации. В двух случаях они являлись одновременными (кург. 73, 237). Два раза отмечены также остатки трупосожжения, захороненные в верхней части курганов, насыпанных над ингумированными покойниками (кург. 69, 98). В остальных же курганах труположения являлись вводными погребениями, только частично нарушившими первичные захоронения — трупосожжения, а в 6 курганах их даже не затронувших (кург. 72, 79, 94, 95, 236, 300). Это, очевидно, свидетельствует о том, что на вершине курганов ставились какие-то опознавательные знаки.

По костным остаткам и погребальному инвентарю среди исследованных курганов можно выделить 93 мужских захоронения, 79 женских, 39 детских и 34 парных, т. е. совместных захоронений мужчин и женщин или взрослого с ребенком. Половую принадлежность и возраст погребенных в остальных 219 погребениях определить не удалось².

Для воссоздания этнокультурной характеристики могильника особого внимания заслуживает рассмотрение погребальной обрядности, присущей Тимеревским курганам.

В Тимереве, как и в других некрополях Восточной Европы и Фенноскандии VIII—X вв., в археологическом отношении достаточно полно исследованных, по которым поэтому и возможны обобщения³, встречаются две разновидности кремации: сожжения, произведенные на месте насыпки курганов, и сожжения, совершенные на стороне, с переносом затем праха в курганные насыпи. Последние встречаются в могильниках всегда в меньшем числе, чем курганы с сожжениями на месте [4, с. 12]. Например, в Тимереве они составляют 31% от общего числа всех курганов с сожжениями. Вопрос о том, чем вызваны эти различия в погребальной обрядности, до сих пор является дискуссионным.

И. И. Ляпушкин, известный исследователь славянских древностей Восточной Европы, опираясь на материал не полностью исследованных курганных памятников лесной и лесостепной зон РСФСР, затрудняется в определении количественного соотношения этих двух видов кремации. Однако полагая, что в трупосожжениях на стороне превалирует лепная керамика, в отличие от курганов с трупосожжениями на месте, где керамика, как правило, сделана на гончарном круге, он приходит к заключению, что «курганы с трупосожжением на стороне в массе своей хронологически предшествуют курганам, в которых трупосожжения совершены на месте» [5, с. 112]. К такому же выводу о хронологическом несовпадении этих двух видов кремации пришел И. В. Дубов в ряде своих работ, посвященных ярославским памятникам [2, с. 131, сноска 37]. Анализируя погребальный обряд из Тимерева, он отмечает, что к IX в., т. е. к начальной стадии существования могильника, относятся курганы с трупосожжениями на стороне, общими признаками которых являются небольшие размеры насыпей, наличие лепной керамики, костей жертвенных животных и каменных конструкций на материке или в насыпи. Эти курганы, представляя собой древнейшее ядро некрополя, проходят с юга на север узкой полосой через всю территорию могильника. Замена трупосожжений на стороне сожжениями на месте происходит, по мнению исследователя, в первой половине X в.; в середине того же столетия, в пору расцвета могильника, курганы содержат исключительно сожжения на месте. К этому времени увеличиваются размеры насыпей, захоронения сопровождается богатый погребальный инвентарь [2, с. 132, 133, 135, 138, 140, 141]. Проверим положения И. В. Дубова на конкретном материале из Тимерева.

Из 464 захоронений 225 совершены по обряду кремации на месте и 103 вне кургана. Картирование этих погребений показало, что курганы обеих групп топографически не обособлены, они встречаются на всей территории кладбища и по своему внешнему облику неразличимы (рис. 2). Сравнивая размеры полностью сохранившихся курганов обеих групп, мы убеждаемся, что большой разницы между ними нет. Среди курганов с трупосожжениями на месте, как и с трупосожжениями на стороне, имеются насыпи высотой от 0,2 до 0,7 м при диаметре 2—4 м и отдельные насыпи, достигающие 1,6—2,0 м высоты и диаметра 11—20 м. Высота же большинства курганов (68%) с кремациями на месте колеблется от 0,35 до 1,15 м при диаметре 5—8 м, а высота 60% курганов с кремациями на стороне при таком же диаметре равняется 0,4—1,4 м (рис. 3).

² Костный материал из раскопок 1939 г. определен В. Карачаевским, из раскопок 1959—1962 гг.—Е. Г. Андреевой и М. М. Герасимовым, из раскопок 1974—1978 гг.—Е. Г. Андреевой.

³ Могильники Вышневолоцкие, Петровский, Михайловский, Шестовицкий, Гнездовский; некрополи Киева, Пскова, Бирки, Аландских островов и Готланда.

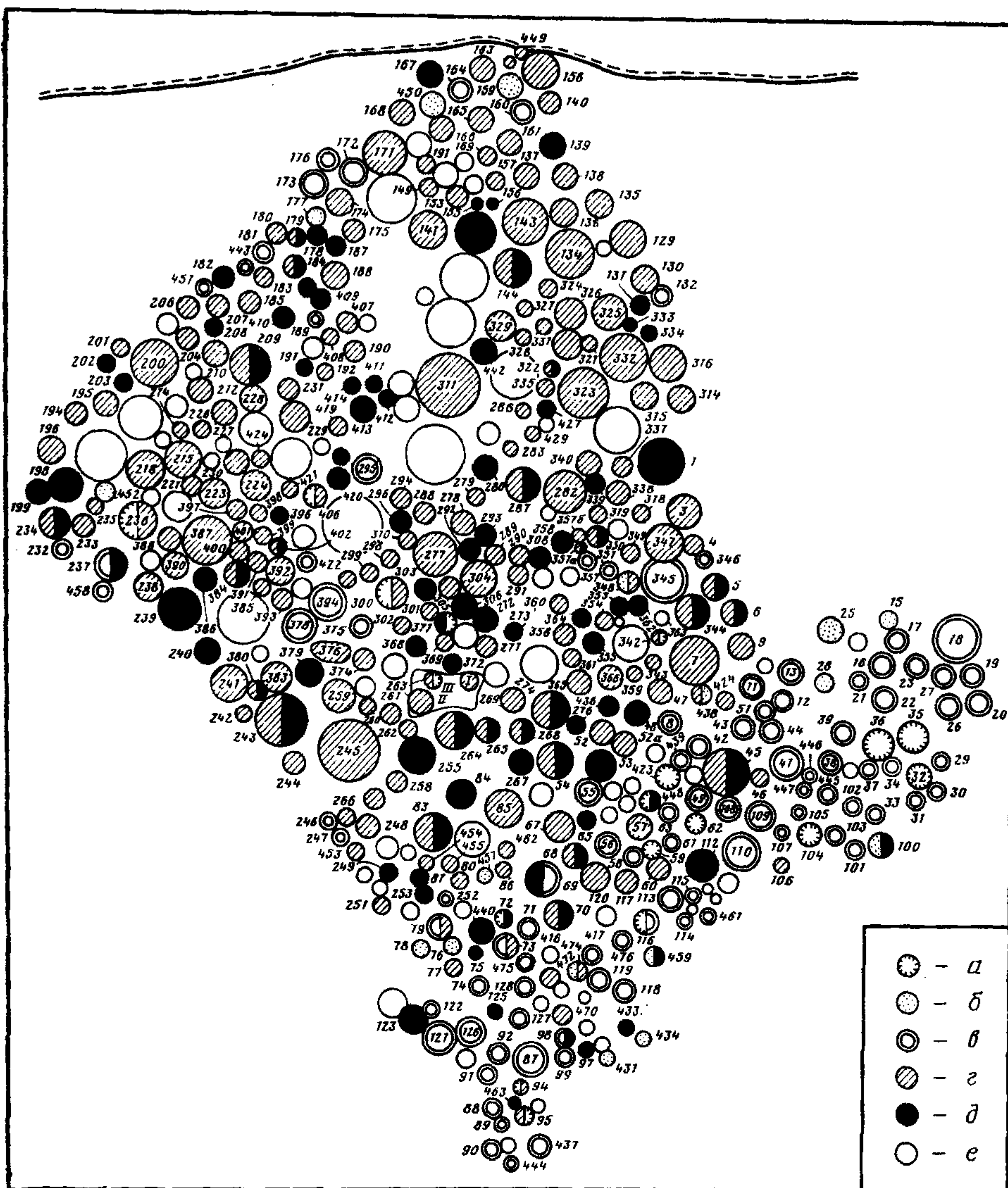

Рис. 2. Погребальный обряд Тимеревского могильника. *a* — труположение в насыпи; *б* — труположение в яме; *в* — труположение на материке; *г* — кремация на месте; *д* — кремация на стороне; *е* — данных нет

Детальное изучение материалов этих двух групп показало, что погребальный инвентарь их идентичен. Он состоит из одинаковых по форме глиняных сосудов, бронзовых украшений, железных и костяных поделок, глиняных бобровых лап и не связан с половозрастными и этническими различиями. Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство керамики приходится на долю лепной; иногда она является единственной находкой при сожжении. Ее зафиксировали при 155 сожжениях на месте и в 64 сожжениях на стороне. Круговая керамика встречена лишь в 3 сожжениях на месте и в 6 кремациях на стороне, притом в некоторых погребениях совместно с лепной. Таким образом, тезис И. И. Ляпушкина и И. В. Дубова, что для трупосожжений на стороне типичной является лепная керамика, а для трупосожжений на месте — гончарная, не находит подтверждения на материалах Тимеревского могильника.

В курганах с трупосожжениями на стороне погребальный инвентарь обычно беднее, чем в курганах с сожжениями на месте. Это объясняется, видимо, тем, что сильно пострадавший от огня инвентарь не всегда полностью переносился в сосуды, где сохранялись останки умершего до помещения их в насыпь кургана. Однако встречаются курганы с сожжениями на стороне и со значительным погребальным инвентарем: брон-

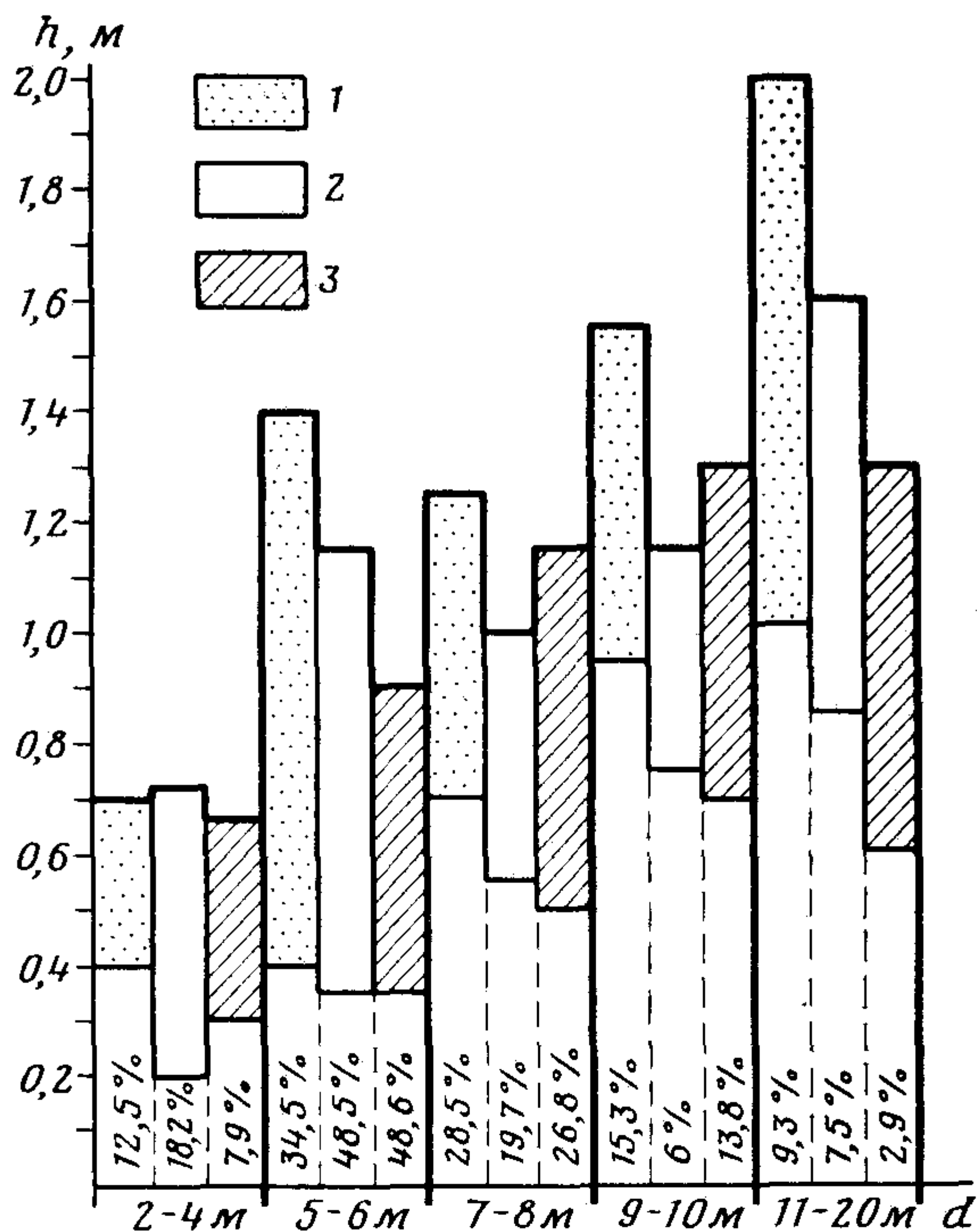

Рис. 3. Размеры курганных насыпей Тимеревского могильника, 1 — кремация на стороне; 2 — кремация на месте; 3 — ингумация

зовыми фибулами, поясными бляшками, фрагментами шкатулок и др. (кург. 53, 144, 265, 368). Среди сожжений обеих групп имеются также безынварные захоронения. Они составляют около 30% сожжений на стороне и 15% сожжений на месте, из чего следует, что применение этих обрядов не связано с имущественными и социальными различиями.

Сходство между данными видами кремации проявляется и в таких деталях погребальной обрядности, как в способах размещения человеческих останков в курганной насыпи (рис. 4). В курганах с трупосожжениями на месте кости чаще всего лежат на погребальном костре в нетронутном виде (36%) или собраны в груды, которые оставались на кострище (23%); иногда кости выносились в верхнюю часть насыпи (15%), реже — в материковую яму под кострищем (5%). В некоторых погребениях жженые кости собраны на кострище в груды и частично вынесены в насыпь (7%) или находились в урнах, которые стояли на кострище (8%), или в материковой яме (1%). Те же разновидности в размещении кальцинированных костей в курганах прослеживаются и в трупосожжениях на стороне (рис. 5). В большинстве случаев кости лежат грудой в верхней части насыпи (41%), на материке (24%) или в неглубокой грунтовой яме (17%). Процент захоронения в урнах здесь выше, чем в трупосожжениях на месте, что является вполне естественным. Такое же разнообразие в характере размещения человеческих останков в курганах представлено и в других памятниках древней Руси, а также в Дании, Скандинавии и Прибалтике, что указывает на широкое распространение этого явления среди разных племен и народов [4, с. 12]. Однако выявить причины, вызвавшие эти различия в способах размещения останков покойников в курганах, на археологическом материале пока не удастся.

Примерно половина всех курганов с сожжениями содержала кальцинированные кости жертвенных животных, что являлось одной из характерных особенностей погребений. В обеих группах при всех вариантах в способах захоронения человеческих костей в курганах чаще всего представлены: кости лошади (в 54 кремациях на месте и в 10 на сторо-

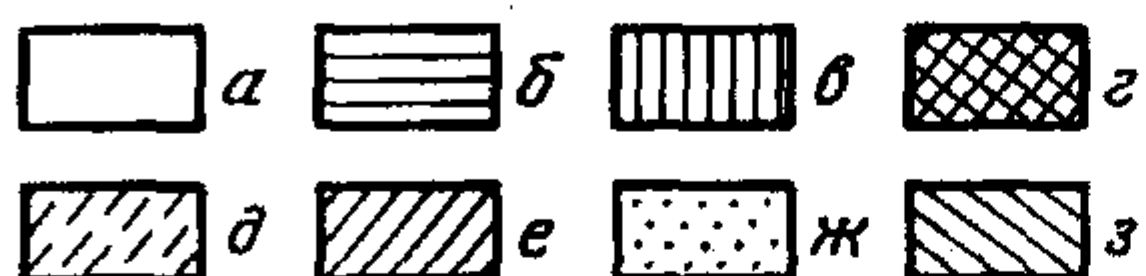
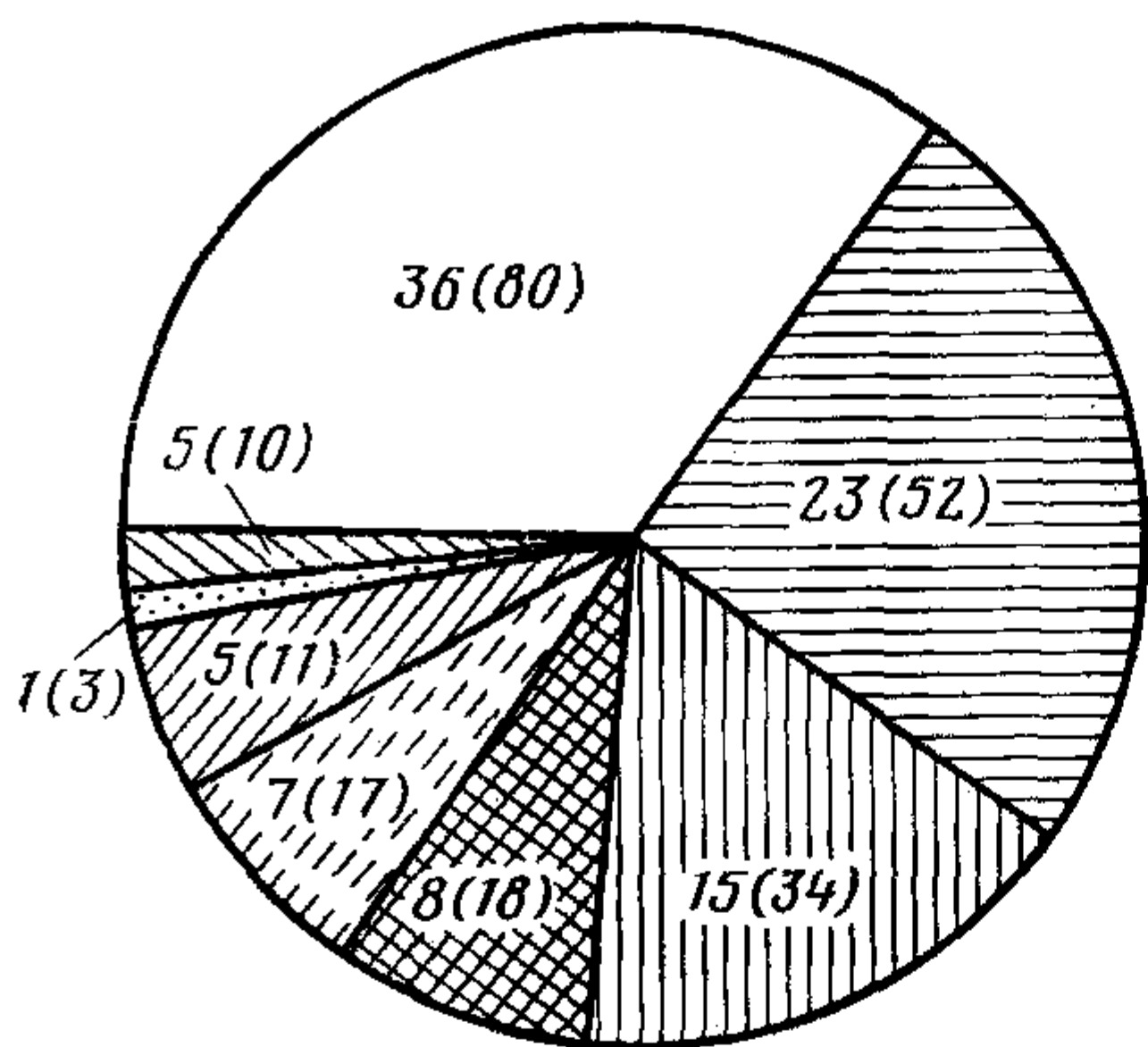

Рис. 4

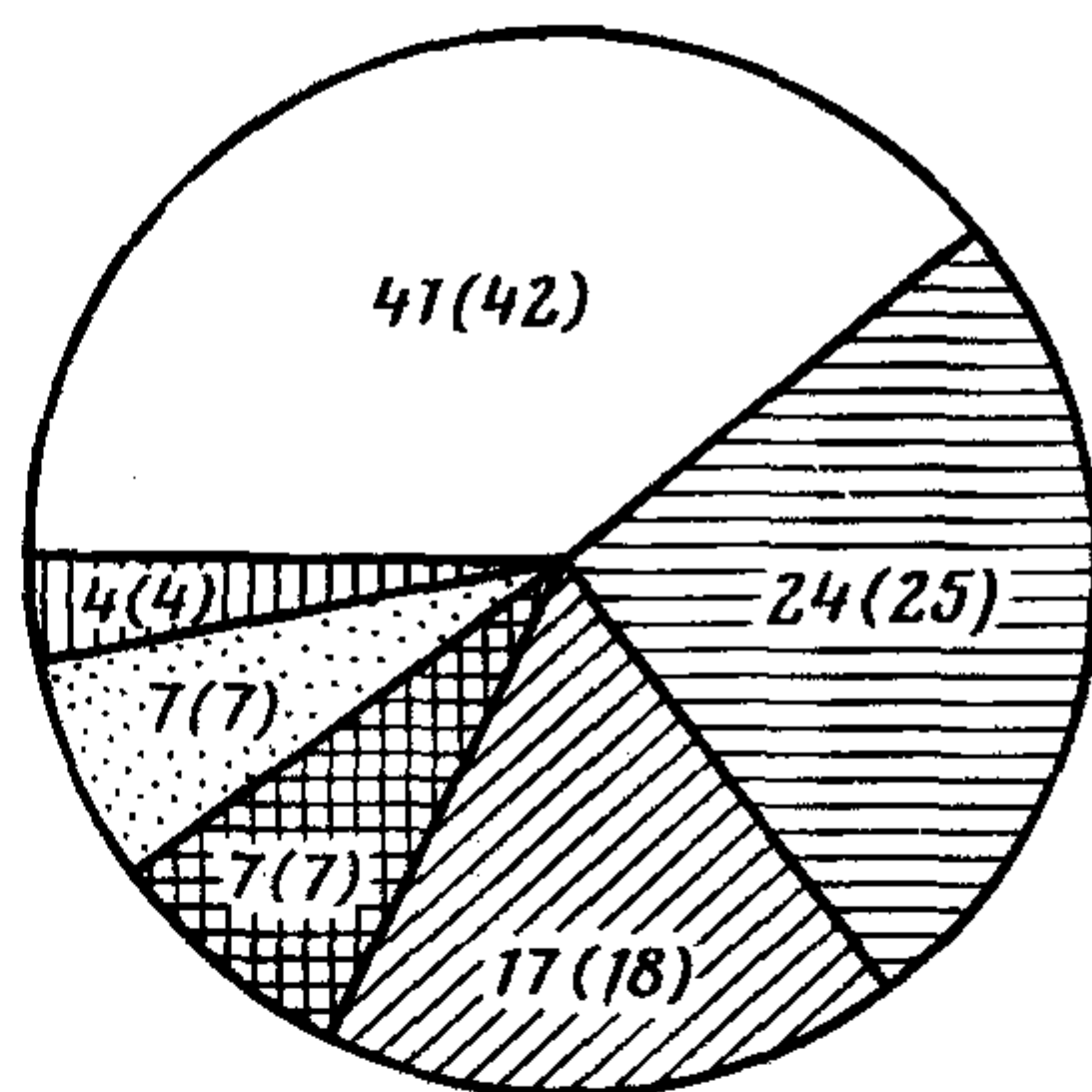

Рис. 5

Рис. 4. Захоронения человеческих останков в курганах с трупосожжением на месте (225 захоронений; цифры перед скобками — проценты, в скобках — количество захоронений). а — кости на кострище в нетронутом виде; б — кости на кострище собраны в груды; в — часть костей с кострища вынесена в насыпь; г — кости на кострище собраны в урны; д — кости на кострище собраны частично в груды, частично вынесены в насыпь; е — часть костей захоронена в яме под кострищем; ж — часть костей в яме под кострищем в урне; з — следы сожжений на материке

Рис. 5. Захоронения человеческих останков в курганах с трупосожжениями на стороне (103 захоронения; цифры перед скобками — проценты, в скобках — количество захоронений). а — кости грудой в насыпи; б — кости грудой на материке; в — кости грудой в грунтовой яме; г — кости в урнах на материке; д — кости в урнах в грунтовой яме; е — кости в урнах в насыпи

не), собаки (в 50 кремациях на месте и в 6 на стороне), крупного рогатого скота (в 35 кремациях на месте и в 7 на стороне) и свиньи (в 9 кремациях на месте и в 3 на стороне). Кости домашней птицы во всех курганах были нежженными и лежали отдельными скоплениями (рис. 6).

Наконец, сходство между рассматриваемыми группами погребений наблюдается и в наличии в курганах камней и каменных конструкций (в 24 сожжениях на месте и в 20 на стороне), имевших, по всей видимости, ритуальное значение (табл. 1). Так, например, в 11 курганах камни различных размеров окружали кольцом кострище или груды кальцинированных костей — остатки трупосожжения на стороне. В ряде погребений урны с человеческими костями были обложены камнями, стояли на каменных плитах или были накрыты плоскими камнями, прикрывали груды костей на кострищах и в насыпях. В ряде случаев после сожжения покойников погребальный костер забрасывался камнями, как об этом свидетельствует бессистемное скопление необожженных камней на кострищах. Некоторые исследователи считают, что камни в погребениях следует рассматривать как магическое средство, охраняющее живущих от злых чар покойника [6, с. 32].

Заслуживает внимания и тот факт, что в 25 курганах Тимерева находились остатки двух трупосожжений, из которых одно было совершено на месте, а другое вне кургана. Вероятно, здесь погребены члены одной семьи. В 19 случаях остатки этих двух видов кремации были захоронены в насыпи одновременно, а в шести — остатки сожжения на стороне оказались вводными в курганы с сожжениями на месте.

Исходя из вышеизложенного, трудно согласиться с распространенным в археологической литературе необоснованным утверждением, противоречащим фактическому материалу, о хронологическом несовпадении этих двух видов кремации, из которых трупосожжение на стороне предшест-

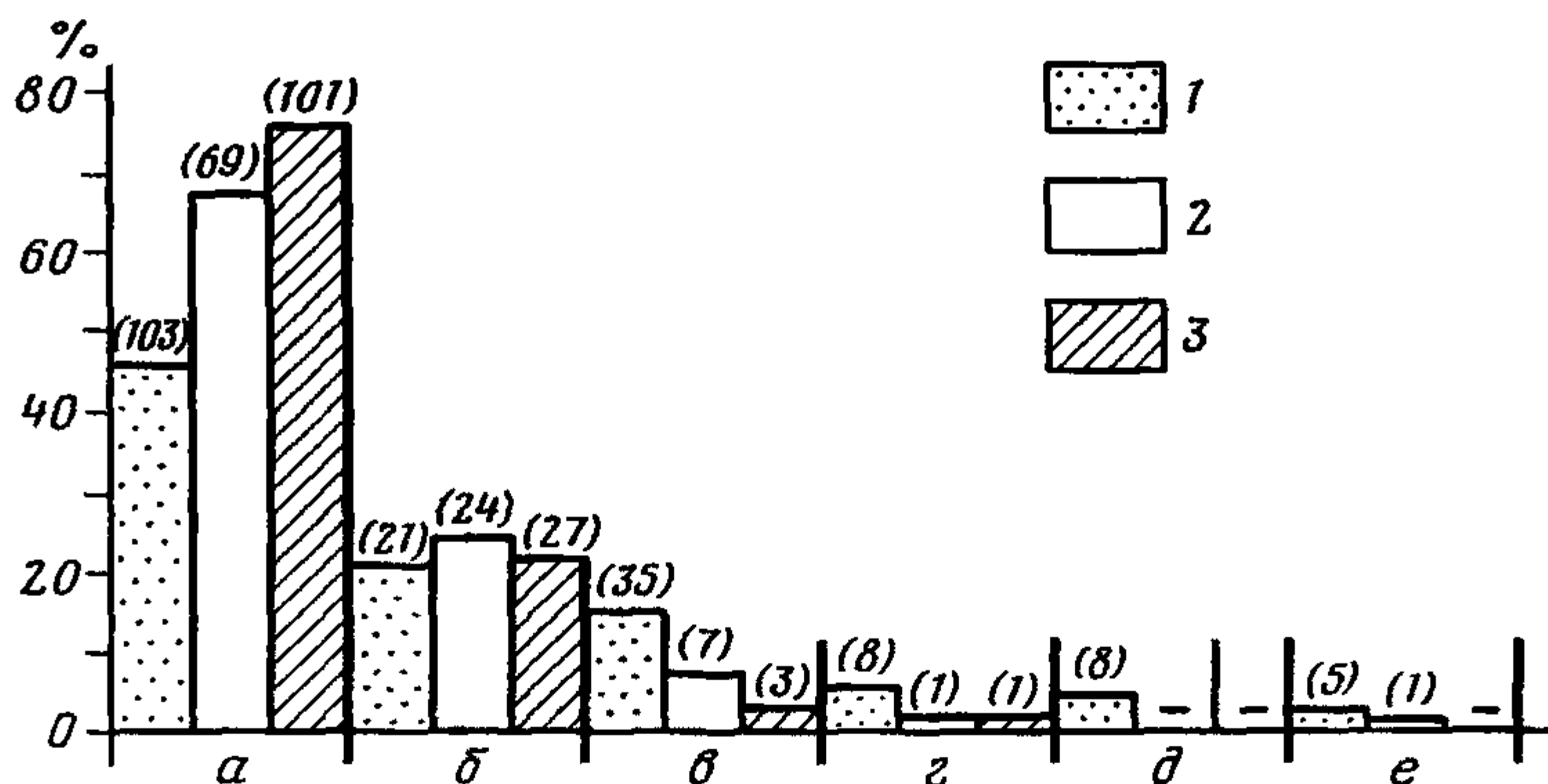

Рис. 6. Наличие костей животных в погребениях Тимеревского могильника (цифры в скобках — количество захоронений). 1 — кремация на месте; 2 — кремация на стороне; 3 — ингумация: а — без костей животных; б — с одним видом животных; в — с двумя видами; г — с 3—4 видами; д — с 5—7 видами; е — с неопределенными видами

вовало сожжению, совершенному на месте сооружения кургана. Нельзя также согласиться и с точкой зрения некоторых исследователей, что в Восточной и Западной Европе конца I — начала II тыс. н. э. эти две формы трупосожжения связаны с этническими различиями [7, с. 52]. Анализ курганного материала Тимерева, показавший существование двух видов кремации, привел к заключению, что их применение, как неоднократно нами отмечалось ранее, зависело от климатических и сезонных условий. Вполне естественно, что в зимнее время сооружение земляных

Таблица 1

Наличие камней в погребениях Тимеревского могильника

Разновидности использования камней при захоронении	Кремация на месте		Кремация на стороне	
	№ курганов	количество	№ курганов	количество
I. Расположение в виде круга или полукруга				
а) на материке или в насыпи вокруг погребения	209, 393, 348 (погр. 1)	3	53, 144, 267, 272, 362, 371, 396, 436	8
б) вокруг материковой ямы с костями			142	1
в) вокруг урны с костями	282, 398	2	202, 368, 380	3
II. Камни над остатками захоронения				
а) прикрывают урну с костями	261, 337	2	273	1
б) прикрывают материковую яму с костями	243	1	53, 442	2
в) прикрывают груды с костями на материке или в насыпи	137, 138, 265, 304, 325	5		
III. Остатки жженных костей на каменной плите	315, 327	2	123, 239, 264, 303, 371, 396	6
IV. Камни по краям кострища	141, 294	2		
V. Камни беспорядочно разбросаны на кострище	6, 200, 238, 264, 406	5		
VI. Большой камень или каменная плита в центре кострища	212, 228, 261	3		

насыпей над погребениями представляло большие трудности, и останки покойников, умерших зимой, сохраняли до весны, когда их переносили на кладбище. К такому же выводу пришла шведская исследовательница Анна Грэслунд в работе, посвященной погребальным обрядам Бирки. Она приводит интересный факт, что еще в XIX в. во многих областях Швеции выкапывалась ранней осенью, обычно вблизи церкви, большая общая могила, куда временно, до весны, помещались гробы с покойниками, умершими в течение зимы. Длина этой могилы ежегодно определялась, исходя из количества покойников предыдущей зимы. С наступлением теплой погоды гробы с покойниками переносились на кладбище [8, с. 61, 75]. Надо также иметь в виду, что процентное соотношение курганов с трупосожжениями на месте и на стороне зависело, несомненно, еще и от того, что наибольшее число летальных случаев падает обыкновенно на весенне-осенний периоды, т. е. на время, когда сооружение земляной насыпи над погребальным костром оказывалось возможным. Этим и объясняется, что кремации на месте во всех средневековых могильниках преобладают над кремациями на стороне.

Обратимся теперь к 132 курганам Тимеревского кладбища, содержащих захоронения по обряду трупоположения, которые составляют 29% от общего числа всех погребений могильника. Размеры их различны, однако преобладают курганы диаметром 5—8 м при высоте в среднем 0,4—1 м. Трупоположения Тимеревского могильника делятся на три группы: погребения на материке, в могильной яме и в насыпи кургана.

К первой группе относятся 103 захоронения, причем если в 50 насыпях сохранились костяки погребенных, то в 53 курганах кости не обнаружены. Однако наличие на материке вещей (сосудов, ножей, гвоздей от гроба и т. д.) позволяет отнести и эти насыпи к погребениям на горизонте.

Трупоположения на материке являются, как правило, единственными захоронениями в кургане. Исключение составляют 8 насыпей, в которых, кроме основного захоронения на горизонте, найдены в 6 случаях (кург. 69, 73, 79, 98, 237, 448) остатки сожжений, а в 2 (кург. 116, 263) — вводные трупоположения в насыпи.

Во второй группе отмечено 17 погребений. Это одиночные и единственные захоронения в курганах, лишь в 5 случаях (кург. 100, 348, 424, 459, 474) они являются вводными в курганы с сожжениями.

Могильные ямы имеют различные размеры: длина их колеблется от 1,6 до 3 м, ширина — от 0,75 до 2 м. Чаще всего встречаются ямы длиной 2,5—2,7 м при ширине 1—1,5 м. Глубина ям в среднем равнялась 0,2—0,4 м; только в пяти погребениях (кург. 25, 348, 452, 457, 459) она доходила до 0,5—0,7 м.

Особого внимания заслуживают кург. 100 и 459, под насыпями которых открыты необычные по своим размерам могильные ямы⁴. Обнаруженный в них материал отличается богатством и разнообразием. Видимо, покойники, захороненные здесь, принадлежали к социальной верхушке общества.

Среди ямных погребений следует отметить кург. 348, в котором была похоронена женщина в сидячем положении (ориентировка — головой на запад). Этот обряд достаточно широко встречается в погребальных памятниках древней Руси, известен он и в скандинавских странах [9, с. 174, 175; 10, с. 188, 200, 208, 352]. Инвентарь данного захоронения характерен для норманских древностей.

К третьей группе (погребения в насыпи) относится 20 захоронений в 17 курганах. Из них 7 находилось, по-видимому, на небольшой подсыпке (15—20 см), а 13 являлись вводными в ранее сооруженные курганы с сожжениями (кург. 72, 94, 95, 236, 300, 363, 371, 448) и трупоположениями (кург. 116, 263). В одном из них обнаружены расчлененные костяки.

Ориентировка погребенных в курганах с трупоположениями может быть определена только в 67 случаях. Из них 36 костяков обращены го-

⁴ В кург. 100 — яма 5,2×3,75×0,3 м; в кург. 459 — яма 3,75×3,3×0,75 м.

ловой на запад и 19 — на юго-запад. Шесть погребенных лежали по линии З—В, однако топография этих захоронений (они находятся там, где сосредоточена основная масса погребений с западной ориентировкой) позволяет предположить, что и они были обращены головой на запад. В остальных 6 курганах костяки обращены головами на север, северо-запад, восток, юго-восток, вытянуты по линии СЗ—ЮВ и С—Ю. Следует подчеркнуть, что все погребенные в ямах были обращены головой на запад или юго-запад, а в одном — на северо-запад. Единичные случаи отклонения от западной и близкой к ней ориентировке встречены только в трупоположениях на горизонте в юго-восточной части могильника. Заметим, что все они по деталям обряда и по инвентарю не отличаются от основной массы захоронений с западной или юго-западной ориентировкой.

Возникает вопрос, не следует ли отнести погребения с западной и юго-западной ориентировками к разным этническим группам. Однако ни детали обряда, ни набор инвентаря, общий для обеих групп, не дает оснований для таких предположений.

Интересно, что в 58 курганах с трупосожжениями второй половины X в. также удается определить положение покойника на погребальном костре, судя по ориентировке кострищ и по расположению на зольно-угольном слое человеческих костей и погребального инвентаря. В 24 случаях они были ориентированы с севера на юг, в 15 — с северо-запада на юго-восток, в 2 — с северо-востока на юго-запад и в 17 — с запада на восток.

Кострища с З—В ориентировкой в отличие от кострищ других ориентировок, которые встречаются в разных частях могильника, различаются и по топографии. Из 17 курганов с кострищами подобной ориентировки 9 расположены в восточной части кладбища (кург. 130, 134, 136, 137, 143, 286, 318, 321, 323), 6 — в центральной части (кург. 277, 289, 305, 360, 401, 402) и только 2 находятся на юго-западной границе могильника (кург. 251, 254). Следует отметить тот факт, что в 50% этих захоронений не прослежен ритуал жертвоприношения животных, типичный для финно-угров.

Остановимся еще на некоторых деталях погребальной обрядности, которые встречаются как в курганах с сожжениями, так и при трупоположениях, свидетельствуя о преемственной связи этих видов захоронений. Так, кости животных обнаружены в 31 погребении по обряду трупоположения⁵, причем в 27 из них находилось по одному виду животных, в трех — по два и в одном — три вида. Нежженные кости животных встречаются преимущественно в насыпях курганов (24 случая), в двух захоронениях они лежали в сосуде около костяка и в пяти случаях рядом с сосудом в ногах погребенных, кости крупного рогатого скота — в 15 погребениях, лошади — в 15 погребениях, кости свиньи — в трех и барана — в одном захоронении.

Камни и каменные конструкции, игравшие заметную роль в погребениях с трупосожжениями Тимеревского могильника, встречаются и при трупоположениях. Скопления камней находились в насыпи (кург. 444), отдельные камни лежали около костяков (кург. 445, 447) или поверх него (кург. 72), около ног (кург. 263) или у черепа умерших (кург. 17, 237); камнем был накрыт сосуд, стоящий рядом с покойным (кург. 118). Таким образом, почти все детали погребальной обрядности, связанные с положением камней, которые встречены в трупосожжениях, повторяются и в курганах с трупоположениями.

Пережитком обряда трупосожжения является наличие в курганах угля и угольных прослоек, что чаще всего отмечается в погребениях на горизонте (в 16 случаях костяки лежали на угольном слое, в двух — мелкие куски угля обнаружены в насыпях курганов). В ямных захоронениях уголь встречен два раза: в кург. 78 вокруг костяка и под ним

⁵ Погребения на материке с костями животных составляют 21,3% от общего количества захоронений на горизонте, ямные с костями — 29%, а захоронения в насыпи — 22%.

обнаружены крупные куски угля, а в кург. 177 над могильной ямой после ее засыпки был разложен большой костер. При захоронениях в насыпи только в одном случае (кург. 263) около черепа покойника находились крупные куски угля и горелая плашка.

По всей видимости, покойников в Тимереве хоронили в гробах, о наличии последних можно судить лишь по находкам гвоздей, обнаруженных в 11 погребениях (6 — на материке: кург. 19, 98, 102, 109, 115, 164; 3 — ямах: кург. 25, 28, 159; 2 — в насыпи: кург. 35, 104). Дерево в курганах сохраняется плохо. Только в четырех случаях прослежены остатки деревянной колоды (кург. 76, 79, 80, 87).

Картирование курганов с труположениями показало, что основная их масса расположена в юго-восточной части могильника, на его краю, причем восточная часть этого массива занята только ими, а в южной части они располагаются вперемешку с сожжениями. Небольшие скопления курганов с обрядом труположения отмечены в северной и западной частях кладбища и две группы курганов с ингумациями — в центральной его части.

Погребальный инвентарь курганов дает возможность в ряде случаев установить с известной долей вероятности с точностью до полувека даты отдельных захоронений. В Тимереве удалось выделить 218 таких захоронений (111 трупосожжений на месте, 38 — на стороне и 69 ингумаций), относящихся к различным периодам существования могильника. Картирование этих погребений показало, что расчленить могильник на отдельные составные его хронологические части не представляется возможным (рис. 7). Курганы наиболее раннего периода существования могильника, т. е. IX — первой половины X в., не проходят полосой через всю территорию некрополя, вопреки утверждению И. В. Дубова. Из 24 курганов (30 захоронений), которые по находкам отдельных видов бронзовых фибул, ланцетовидных стрел, различных форм каменных бус и монет могут быть отнесены к этому времени, только 8 (10 захоронений) сконцентрированы в южной части могильника, остальные же находятся в разных частях его обширной территории в окружении погребений более позднего времени. Следует особо отметить, что даже среди древнейших курганов рубежа IX—X вв. наряду с трупосожжениями на стороне зафиксированы два случая сожжений на месте (кург. 95, 470).

79 курганов (92 захоронения) относятся ко второй половине X в. Примечательно, что на этот отрезок времени падает большинство трупосожжений, рассеянных по всему полю кладбища: 62% сожжений на месте и 47,5% сожжений на стороне. Известная закономерность в размещении остальных 77 курганов (96 погребений) наблюдается лишь в конце X в. и в начале XI в., т. е. в последний период существования памятника, когда обряд кремации постепенно сменяется ингумацией. Любопытно, что в двух курганах XI в. обнаружены костяки, захороненные одновременно с остатками трупосожжения на стороне (кург. 69, 98).

Наиболее ранним среди труположений на материке следует считать кург. 394, в котором найден комплект из скорлупообразной и трилистной фибул второй четверти — середины X в. Второй половиной X в. надо, по-видимому, датировать кург. 237 с дирхемом первой половины этого столетия. Часть погребений по находкам в них боевых топоров, весов для малых взвешиваний и других вещей может быть отнесена к концу X — началу XI в. (кург. 19, 107, 109, 164, 422, 458). Некоторые труположения на материке относятся к XI в. (кург. 31, 104, 119, 417, 473): в них найдены дирхемы конца X в., пластинчатый перстень с завязанными концами, боевые топоры XI в.

Среди ямных захоронений наиболее ранним является сидячее погребение в кург. 348, которое может быть датировано первой половиной X в. (скорлупообразные фибулы типа 51В, гребень с бронзовой накладкой). К 70—80-м годам X в. относится кург. 100 [11]. Ряд насыпей следует отнести к концу X — началу XI в. (кург. 450, 457, 459). В составе инвентаря этих захоронений имеются крест «скандинавского» типа, боевой топор X—XI вв., крест, вырезанный из дирхема конца X в., брас-

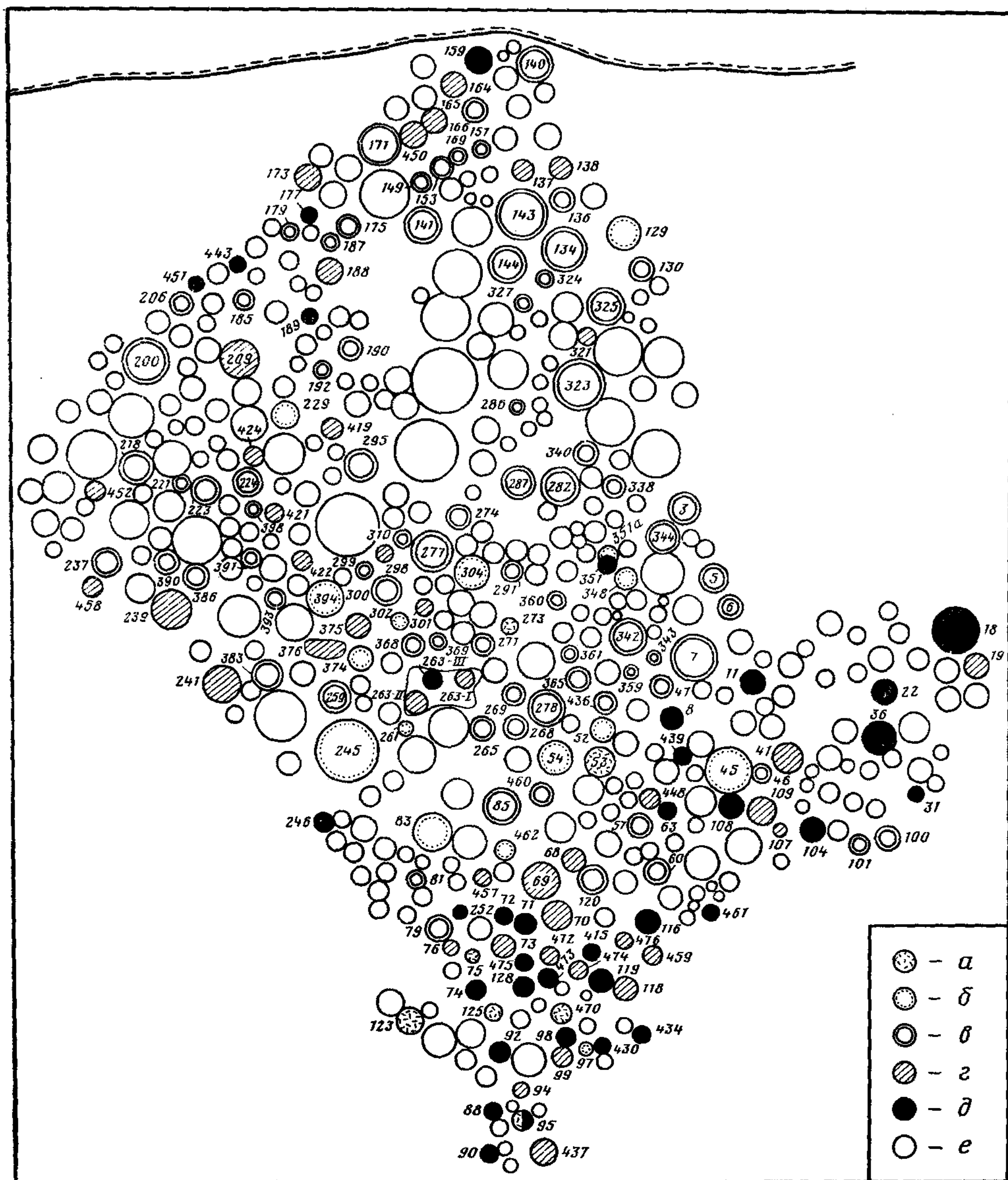

Рис. 7. Хронологическое размещение курганов в могильнике. *а* — конец IX — начало X в.; *б* — первая половина X в.; *в* — вторая половина X в.; *г* — конец X — начало XI в.; *д* — XI в.; *е* — данных нет

лет и перстень с завязанными концами. Однако большая часть труположений в ямах относится к первой половине XI в. Погребения в насыпи, по-видимому, имеют ту же дату.

Таким образом, труположения на горизонте и в ямах появились одновременно в середине X в. Однако преобладающее количество погребений на горизонте может быть датировано более ранним временем, чем ямные захоронения, основная масса которых относится к началу XI в. Последние, по-видимому, получили распространение в связи с появлением христианства.

В заключение следует остановиться на камерных захоронениях второй половины X в., впервые обнаруженных в Тимереве при раскопках последних лет. Особого внимания заслуживает кург. 100 с парным захоронением (труположение) в деревянной камере. Следы ее в виде древесного тлена частично прослежены на стенках и дне могильной ямы размером $5,20 \times 3,75$ м, углубленной в материк на 0,3 м. Сравнительно хорошо сохранилась лишь крыша сруба — пять обгорелых плах, на которых лежала восковая свеча неправильной четырехгранной формы с

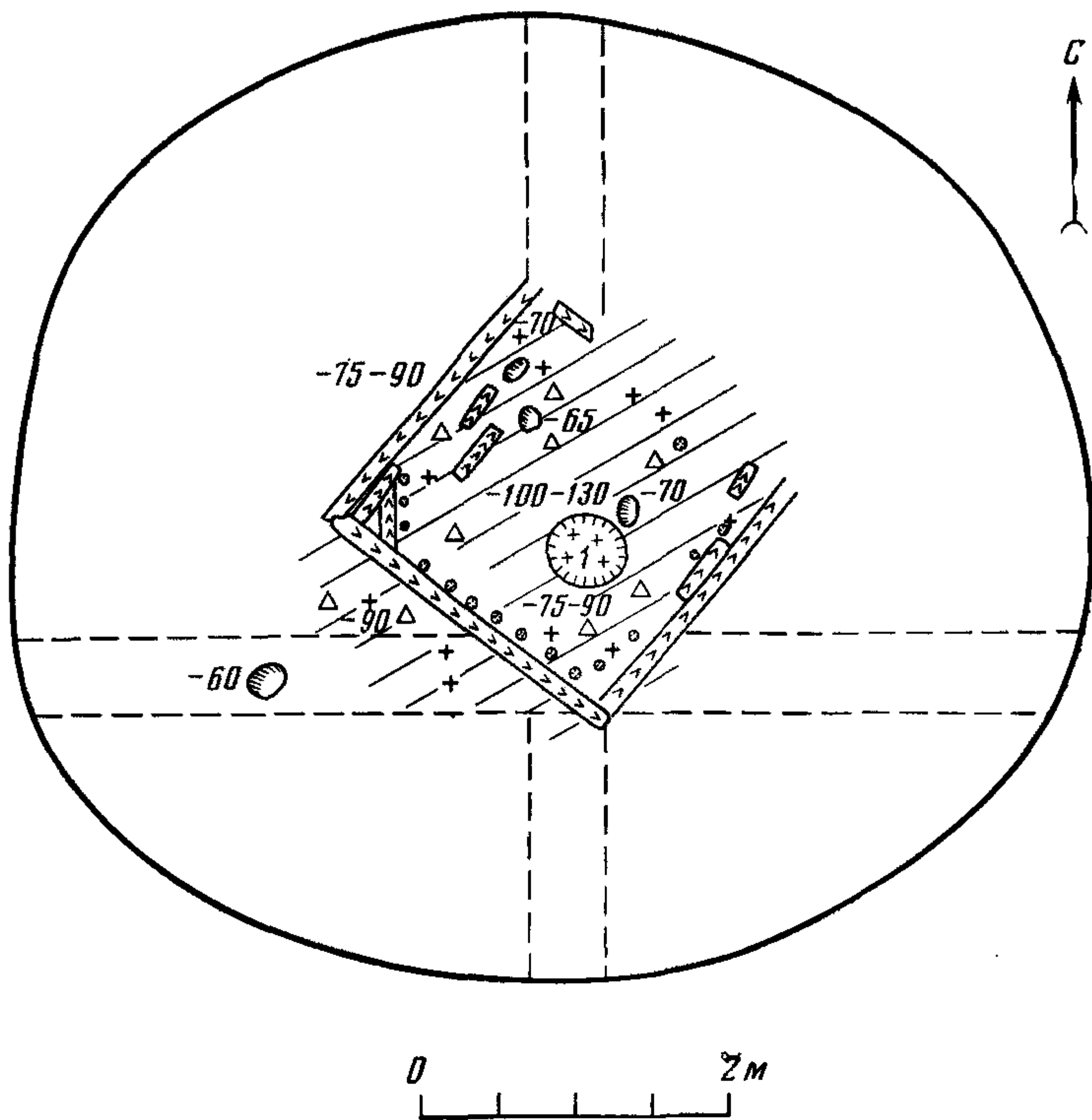

Рис. 8. Курган 413. План. 1 — горшок; а — яма; б — камни; в — кострище; г — обугленные плахи; д — керамика; е — кальцинированные кости; ж — следы от колышков

обгорелым верхним краем. Эта уникальная находка аналогична восковым свечам, обнаруженным в Дании на крышах погребальных камер в двух курганах X в. близ Маммен и Йеллинге, отличающихся богатым инвентарем. Свечи, видимо, зажигали во время церемонии захоронения, а затем оставляли их на месте в связи с приписываемой воску охранной магической силы. Использование воска при захоронениях известно в эпоху викингов в Дании и Норвегии. В Швеции этот обычай не прослежен [6, с. 8, 32; 12, с. 222, 223; 13, с. 40; 14, с. 106, 107, 119, 120]. Как и датские курганы, погребение в кург. 100 выделяется своим разнообразным и богатым инвентарем, состоящим из предметов вооружения, снаряжения верховых лошадей, из женских украшений, стеклянной игровой пашки, весов, гирек и монет (961–976 гг.). Находки дают основание отнести кург. 100 к числу дружинных захоронений.

Погребальное камерное сооружение площадью в 4,5 м² обнаружено и в кург. 413 (рис. 8). От прямоугольного в плане сруба сохранились три стенки⁶ из бревен 15–20 см толщины, слабо обожженных, уложенных на тонком слое глины в один венец. Внутри сруба прослежен зольно-углистый слой 2–3 см толщины с фрагментами лепной керамики, птичьими костями, под которым находилась яма, углубленная в материк на 30 см. В ней стояла урна с кальцинированными костями молодого по возрасту человека, кремированного вне кургана.

По устройству могил, отличающихся от обычных курганов с трупосожжениями, выделяются еще 6 курганов (85, 141, 277, 287, 344, 460). В них находились кострища, четко ограниченные определенным образом

⁶ Четвертая стенка разрушена проведенными здесь ранее раскопками.

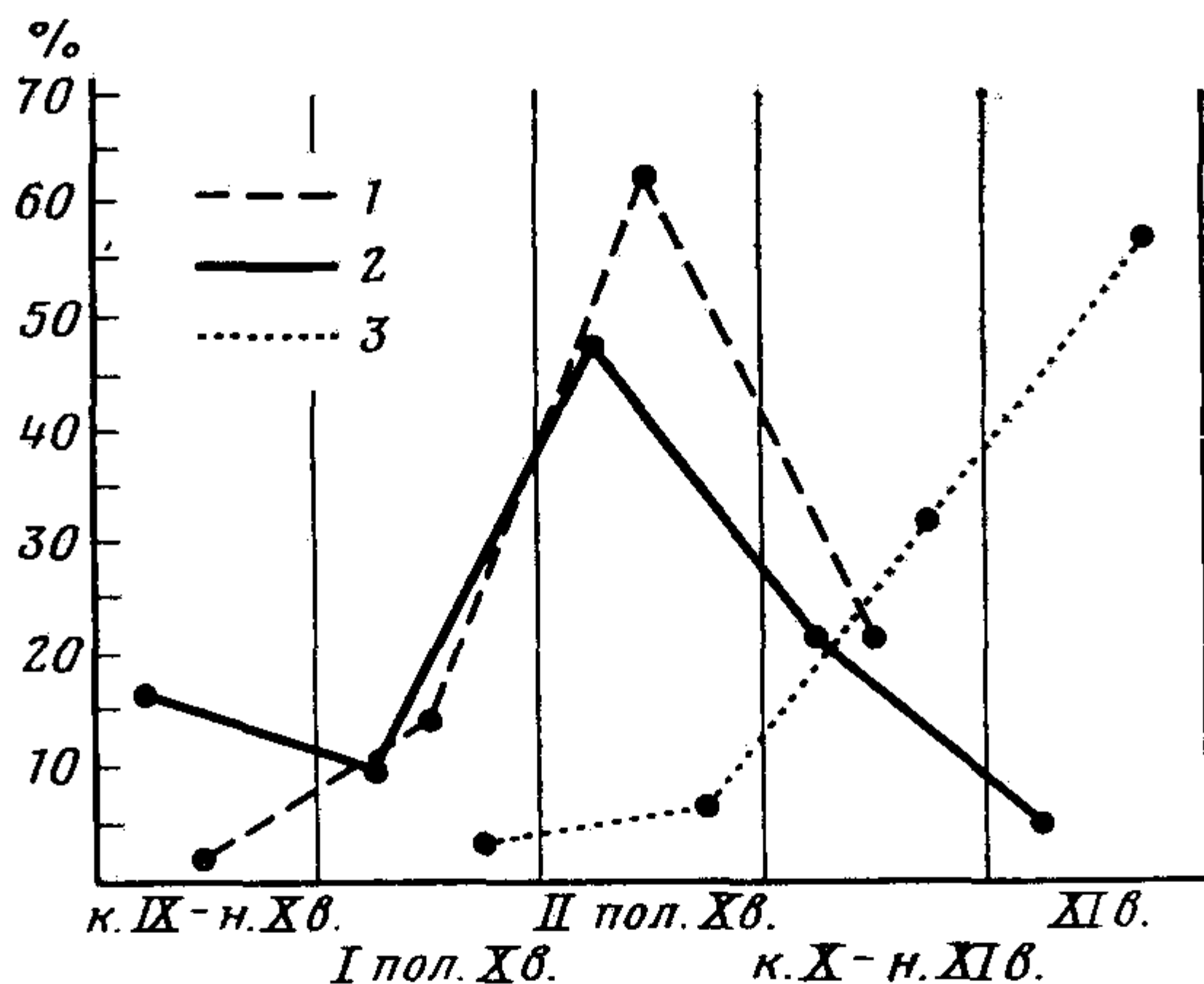

Рис. 9. Хронологическое распределение датированных захоронений Тимеревского могильника. 1 — кремация на месте (из расчета 111 захоронений); 2 — кремация на стороне (из расчета 38 захоронений); 3 — ингумация (из расчета 69 захоронений)

ориентированными обожженными массивными плахами до 2 м длиной, за пределами которых зольно-угольный слой не прослеживается. Видимо, как и в кург. 413, это остатки срубов, где произведена кремация. Погребение 344 было мужским, 460 — детским, остальные четыре кургана содержали парные погребения. Площадь кострищ в них достигала 14—35 м², а толщина угольного слоя — 15—35 см. Согласно найденному в них погребальному инвентарю из предметов вооружения, бронзовых фибул различных типов, поясных наборов, железных деталей деревянных шкатулок, весов, гирек, оковки игральной доски и стеклянных шашек, эти погребения также можно отнести к дружинным.

Подводя итоги исследования погребальных обрядов Тимеревского могильника, мы приходим к следующим выводам.

1. Основным погребальным обрядом является кремация, которая по различию самого обряда распадается на две группы: сожжения на месте насыпки курганов и сожжения на стороне, вне места захоронения. В течение всего X в. указанные разновидности кремации сосуществуют и не составляют какие-либо локальные группы внутри могильника. Все детали погребального ритуала: характер сооружения курганов и погребального инвентаря, способы захоронения в курганах кальцинированных человеческих костей, жертвоприношения животных — присущи в равной степени как сожжениям на месте, так и на стороне. Применение этих двух видов кремации и их количественное соотношение непосредственно зависело, видимо, от времен года, когда производились погребения. Ингумация покойников прослеживается с середины X в. и, постепенно сменяя кремацию, становится господствующим обрядом захоронения в XI в. (рис. 9). Смена трупосожжений трупоположениями связана, на наш взгляд, с христианизацией населения. Об этом, в частности, свидетельствуют находки крестов-тельников в некоторых трупоположениях конца X — начала XI в.

2. На материалах могильника четко прослеживается в рассматриваемое время имущественная и социальная неоднородность населения Ярославского Поволжья. 30% курганов являются безынвентарными или содержащими одну лишь керамику. Более 50% курганов с инвентарем, состоящим из отдельных металлических и керамических изделий, являются, видимо, захоронениями рядовых общинников. 13% курганов с богатым и разнообразным инвентарем принадлежат феодализирующейся знати. Они отличаются от всей массы погребений не только характером инвентаря, но и размерами погребальных костров, наличием большого количества жертвенных животных и, что особенно важно отметить, за-

хоронениями в деревянных камерах, связанными с дружинным элементом.

3. Население, оставившее Тимеревский памятник, было разноэтничным. Судя по отдельным деталям захоронений: меридиональной ориентировке умерших, расчленению трупов в отдельных случаях, обряду жертвоприношения домашних животных, а также по находкам глиняных бобровых лап, колец и костяных копоушек, характерных для коренного населения Ярославского Поволжья, финский субстрат в могильнике превалирует. Следует подчеркнуть, что эти черты ярче всего проявляются в курганах с трупосожжениями, так как в христианизированных трупоположениях этнические различия нивелируются. Освоение территории Ярославского Поволжья славянами началось, видимо, во второй половине X в. Это угадывается по ряду кострищ, ориентированных по линии З—В, что можно связать со славянским этносом. Курганы с кострищами западно-восточной ориентировки топографически обособлены от курганов с кострищами других ориентировок, разбросанных по всей территории могильника. По устройству погребальных сооружений выделяется еще одна группа курганов с каменными конструкциями под земляными насыпями. Бросается в глаза сходство этих курганов с погребальными памятниками Аландских островов, где, согласно Э. Кивикоски, во второй половине I тыс. н. э. сложилась своеобразная фенно-скандинавская культура. Наиболее ранние скандинавские захоронения относятся к концу IX или к рубежу IX—X вв., основная же масса их датируется X в., скорее всего второй его половиной. Они совершены по обряду кремации, за исключением восьми курганов, насыпанных над ингумированными покойниками во второй четверти X—XI в. Этот обряд был известен в Швеции уже в первой половине X в.

4. Скандинавские параллели Тимерева обычно связываются со Средней Швецией. Между тем в рассматриваемое время существовали также тесные контакты Ярославского Поволжья с Аландскими островами и намечались связи с Данией и южной Норвегией.

5. Тимеревское курганное кладбище функционировало с конца IX до начала XI в., т. е. в течение 130—150 лет. Погребения конца IX—первой половины X в. немногочисленны, основная масса курганов воздвигнута во второй половине этого века. Именно на этот отрезок времени, видимо, падает наибольший приток населения в данный район. Исходя из формулы подсчета населения по погребальным памятникам средневековья (количество курганов, помноженное на среднюю продолжительность жизни человека — для Северной Европы этого времени она исчисляется в 30—40 лет — и разделенное на время существования могильника), численность населения данного района, хоронившего на Тимеревском кладбище, предположительно составляла 113—130 человек. Для сравнения приведем следующие сведения: население Бирки того же времени составляло 500—600 человек, а Хайтхабу, крупнейшего центра международной торговли, — 1000 человек [8, с. 82, 83].

Возникает вопрос, являлся ли Тимеревский памятник кладбищем одного поселка с населением около 130 человек или же здесь находился административный центр сельской округи, место сбора и концентрации дани, вследствие чего могильник был общим кладбищем для нескольких деревень? Решение, видимо, возможно только в результате тщательного изучения состава погребального инвентаря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихомиров И. А. Отчет о раскопках курганных кладбищ под деревней Большое Тимерево и Гончарово 1900 г. — Архив ЛОИА АН СССР. Ф-1, 1900 г., № 82.
2. Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
3. Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв. — МИА, 1941, № 6.
4. Фехнер М. В. Тимеревский могильник. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: Сов. Россия, 1963.

5. *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства.— МИА, 1968, № 152.
6. *Grieg S.* Gravpladsene i Lille Guldkronen og paa Berg.— *Oldtiden*, X, 1. Kristiania, 1923.
7. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
8. *Graslund An.-S.* The Burial Gustones. A study of the graves on Bjorko.— In: *Birka IV*. Stockholm, 1980.
9. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М.: Наука, 1982.
10. *Arbman H.* Birka. T. 1. Uppsala, 1943.
11. *Фехнер М. В., Янина С. А.* Весы с арабской надписью из Тимерева.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
12. *Schetelig H.* Vestlandske graver fra Jernalderen. Bergen, 1912.
13. *Lindqvist S.* Uppsala och Jelling. Sonderdruck aus Vegle amts historiske samfunds. Festsift, 1955.
14. *Brøndsted J.* Danish Inhumation graves of the Wiking Age. A survey.— *Acta Archaeologica*. V. VII. København, 1936.

N. G. Nedoshivina, M. V. Fekhner

THE BURIAL RITE OF THE TIMEREVO BURIAL GROUND

S u m m a r y

The mound burial at the Bolshoe Timerevo village, Yaroslavl Region, comprising 464 burials was investigated between 1974 and 1978. The main burial rite in the late 9th and 10th centuries was cremation performed both on the mounds and outside them. These two forms were synchronous and were not topographically separated in the burial ground. In the late 10th-early 11th centuries cremation gave way to inhumation. It was probably caused by the Christianisation of the population of the Volga region near Yaroslavl.